УДК 94(470)“1941/1945” + 316.752

**Е. Б. Арсланова (Михайленко)**

# ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА 1945 ГОДА КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ РИТУАЛ РОССИИ (В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ)

Используемая в данной работе характеристика ритуала Великой Победы 1945 г. главным образом опирается на теорию конструктивизма. Ключевым термином становится термин «символический капитал». Анализируются ценностные ориентиры формирования символического капитала постсоветской России в периоды правления Б. Н. Ельцина, В. В. Путина и Д. А. Медведева.

К л ю ч е в ы е  с л о в а: победа 1945 г., Великая Отечественная война, ценностный пакет постсоветской России, символический капитал.

В 2010 г. Российская Федерация отметила 65-ю годовщину победы российского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.).

Для россиян устоявшейся нормой является представление о двух войнах в рамках событий 1939–1945 гг.: Вторая мировая война рассматривается в хронологических рамках 1 сентября 1939 г. — 2 сентября 1945 г., Великая Отечественная война — в рамках 22 июня 1941 г. — 9 мая 1945 г. В 2010 г. впервые Президентом Д. Медведевым внесена в качестве праздника новая дата — окончание Второй мировой войны 2 сентября 1945 г.

День Победы является одним из важнейших культовых российских праздников. Это практически единственный культовый праздник, перешедший в постсоветскую Россию из советского наследия.

Однако отношение к этому празднику, к истории Великой Отечественной войны неоднозначно как среди политической элиты, так и среди обычных граждан РФ. Опрос населения в 1996–1998 гг. показал, что День Победы занимает второе место после традиционного для России праздника — Нового года [9]. По данным подобного опроса, проведенного в 2007 г. в Рунете, День Победы занимает лишь восьмую позицию: после Нового года, дня рождения, 8 Марта и др. [21]. Несмотря на очевидное понижение статуса Дня Победы в российском обществе, этот государственный праздник значительно опережает другие государственные праздники РФ — День независимости, День Конституции. Можно объяснить это тем, что День Победы остается понятным и знакомым праздником для большинства россиян, в отличие от «новых» государственных праздников. Опрос граждан РФ накануне празднования 65-летия Дня Победы показал, что 85 % населения готовятся к празднованию Дня Победы и считают его важнейшим праздником России [6].

---

АРСЛАНОВА (Михайленко) Екатерина Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: arslanova@mail.ru).

© Арсланова (Михайленко) Е. Б., 2011

Война и связанные с ней чувства гордости и победы, а также страдание и горечь потерь являются важным ценностным элементом мифологии, культуры и истории нации.

В данном исследовании рассматривается взаимосвязь между культом, ритуалом Великой Отечественной войны в российском обществе и поисками национальной идентичности России, а также роль политических элит в выстраивании национальной идентичности.

Распад Советского Союза и демократический транзит, смена властных экономических и политических элит в последние 20 лет, обострение региональных конфликтов вынесли на повестку дня выработку постсоветской концепции российской идентичности. В аналитических работах, посвященных идентичности современной России и российскому обществу, наиболее часто встречаемыми терминами являются «переходный», «транзитный». Формирование новой идентичности не могло не сказаться на трактовке и восприятии Великой Отечественной войны. Как менялось видение войны, что означает понятие «День Победы» для современных граждан России — вопросы, которые рассматриваются в данной статье.

Используемая в работе характеристика ритуала Великой Победы 1945 г. главным образом опирается на теорию конструктивизма, из которой следует то, что нации и национализм являются относительно недавней инновацией, связанной с развитием капиталистических отношений, и то, что государства и элиты активно создают национальную идентичность вокруг важнейших символических событий и идей. Национальная идентичность не является «величиной постоянной», она исторически изменчива, т. е. представляет собой бесконечно длящийся проект, осуществляемый при помощи различных форм медиа, светских институтов и ритуалов, которые оказываются «средствами формирования национальной идентичности в качестве ежедневного социального проекта» [14, *8*].

В данном контексте важной является роль политических элит в выборе и использовании набора символических объектов, в том числе и для укрепления собственных позиций. К числу таких объектов относятся, прежде всего, язык, знания и верования, произведения искусства, обычаи и ритуалы и т. п.

В первую очередь стоит обратиться к некоторым терминологическим нюансам. Изучение роли культа победы невозможно без определения таких понятий, как «ценностная система», «ритуал», «официализация» и «символический капитал».

В работе П. Бурдье «Практический смысл» ритуал рассматривается с точки зрения его роли и места в системе социального взаимодействия [7, *20*], его отличий от других ритуалов, его роли в мифологической и социальной системе. Такое понимание ритуала напрямую связано с термином «официализация», т. е. с процессом институционализации символических объектов посредством признания их группой или сообществом.

Политика, с точки зрения Бурдье, служит особо благоприятной сферой применения стратегий официализации: стремясь заполучить себе право представлять группу, соперничающие в борьбе за власть агенты могут использовать друг против друга только ритуальные стратегии или же стратегические ритуалы,

нацеленные на символическую универсализацию частных интересов или на символическое присвоение себе интересов официальных [7, *216*].

Ключевым термином в рамках исследования становится введенный Бурдье термин «символический капитал». Благодаря символическому обмену создаются и сохраняются социальный статус, авторитет, власть, идентичность индивида. Символический капитал — это «капитал чести и престижа, который производит институт клиентелы» [Там же, *231*].

Применительно к нашему исследованию символический капитал можно рассматривать как идеологическую легитимность существования той или иной политической элиты. Символический капитал — это «кредит, зависящий от чувства чести и способности обеспечить неуязвимость своей чести», который может быть мобилизован для определенных целей. Трансформация подходов к ритуалу Великой Победы свидетельствует о поиске «символического капитала» для упрочения власти политических элит постсоветской России [8, *93*].

Формирование символического капитала происходит на основе набора определенных ценностных ориентиров нации, которые и составляют объекты для конституирования символической власти в обществе. Исследование ценностей и ценностной системы нации также подлежит рассмотрению. Ценности рассматриваются как некая социологическая категория из области морального, сакрального и универсального; ценностный фундамент позволяет нации легитимировать свое существование; политическая нация может возникнуть только в результате выкраивания центральной ценностной системы из всей совокупности ценностей [13, *156–157*].

В рамках данного анализа принципиальным моментом является идентификация источников ценностей и их содержания. Понятие «ресурсный пакет» включает в себя те ценностные ориентиры, которые могут быть задействованы в построении ценностного фундамента. Ресурсный пакет может быть как внутренним, так и внешним. Таким образом, понятия «символический капитал» и «ресурсный пакет» являются, с нашей точки зрения, близкими и важными для рассмотрения формирования национальной идентичности России.

Политические баталии вокруг символического капитала становятся особенно активными в критические моменты, когда нарушаются привычные взаимосвязи. Критические ситуации не только ослабляют нормальные, инерционные связи, но и создают возможность для значительной реидентификации национальной истории и идентичности в целом [3, *527*]. Таким образом, находящиеся у власти политические акторы получают редкий шанс вынести свою концепцию национального характера на публичное рассмотрение и осуществить свое право повести нацию и государство в новую эру.

Распад Советского Союза и появление нового государства — Российской Федерации явился критической точкой отсчета формирования новой российской идентичности. Пришедшая к власти новая политическая элита России получила в наследство определенный внутренний ценностный пакет и набор символического капитала, на основании которого начала строительство нового ценностного фундамента.

В чем особенность ценностного ресурсного пакета новой России в начале 1990-х гг.? Генезис идентичности России в досоветский период формировался на основании таких ключевых элементов «традиционной идентичности», как «природная среда», «православная церковь», «самодержавие». «Национальное» мыслилось как этническая и конфессиональная общность подданных великой державы, империи [13, *37*].

Советскую национальную идентичность в российской и зарубежной историографии оценивают противоречиво. Наиболее распространенным является утверждение о том, что национальная политика большевиков продолжает имперскую политику семьи Романовых [см.: 13, 14, 15]. Другая точка зрения характеризует Советский Союз как империю «положительного действия», а советскую национальную политику — как интернационалистский национализм. В рамках данной концепции проводится различие между политикой национальной идентичности «дома Романовых» и большевиков. Большевики, по сути, создавали национальные элиты там, где их не существовало, они распространяли и поддерживали в массах различные формы национальной культуры и идентичности [15, *127*].

Таким образом, к моменту распада СССР перед выбором новой политической элиты оказались как минимум два ценностных ориентира: советский, с господствующими культом государства, осуществляющего мобилизацию масс на постоянную борьбу, и культивированием героизма, самоотверженности; и внесоветский, основанием для которого мог служить внутренний ресурсный пакет досоветского прошлого и/или внешний ресурсный пакет, представленный «западными ценностями», господством демократии и закона.

Выбор ценностных ориентиров формирует центральную ценностную систему, ядро нации, включающую государственную символику, коллективные ритуалы, оценку истории, восприятие будущего и т. п. Анализ культа понятия «победа» показывает выбор политической элиты в пользу советского ценностного пакета. Внешний (западный) ресурсный пакет оказался незадействованным.

Культ Великой Отечественной войны, несомненно, является одним из составляющих символического капитала России. Анализ трансформации отношения к Великой Отечественной войне, появление новых интерпретаций истории и роли победы 1945 г. важны как с точки зрения формирования символического капитала современных политических элит, так и с точки зрения ожиданий населения современной России, своего рода «индекса доверия» к современной власти.

В первую очередь в рамках проведения исследования следует обратить внимание на некоторые термины, связанные с культом победы 1945 г.: война, победа, Великая Отечественная война.

Почему войны так важны для формирования нации-государства? У. Хедетофт в своем исследовании, посвященном ментальности войны и построению национальной идентичности, выделяет три ключевых элемента, которые влияют на формирование представлений об особой роли войны [4]. Прежде всего это связано с тем, что война является главным стимулирующим моментом единения государства и общества. Еще одно понятие, усиливающее роль войны, —

это понятие суверенитета. В ходе войн между государствами происходит завоевание, отстаивание, укрепление либо утрата суверенитета нации [4, *282*].

Важнейшую часть национального самосознания, образа составляют мифы и символы, относящиеся к войне. Архетипы национальных лидеров, «отцов отечества», практически всегда являются фигурами военными, жертвенными и кровавыми — в романтическом смысле: борцами, освободителями и т. д. Фигура неизвестного солдата является эмблемой героизма. Таким образом, герой военных действий — социокультурный конструкт, более полезный мертвый (парадоксально!), чем живой [Там же, *283*].

Отличие понятий «отечественная война» и «война» заключается в первую очередь в характере войны (справедливая) и в целях ее проведения (освободительная).

Название «Великая Отечественная война» стало использоваться после радиообращения Сталина 3 июля 1941 г. Термин «Отечественная война» был закреплен введением военного ордена Отечественной войны, учрежденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1942 г.

Наименование части Второй мировой войны «Великая Отечественная война», с нашей точки зрения, обусловлено несколькими причинами. Во-первых, возможно, при выборе названия И. Сталин руководствовался аналогией с Отечественной войной 1812 г., когда Россия противостояла Западу в лице Наполеона Бонапарта. Во-вторых, выделение данной войны по хронологическому и территориальному признакам было вызвано идеологическими причинами. Согласно советской версии, война велась с фашизмом как порождением международного империализма. Социалистическая система противостояла фашистской. Эта версия нивелировала идентификацию сторон конфликта [21]. Против СССР на стороне Германии воевали многие государства Европы, в том числе и те народы, которые вошли в социалистический лагерь. Понятие «Великая Отечественная война» перекрывало общий контекст Второй мировой войны для населения СССР и позволяло создавать культ «справедливой» войны. И наконец, отделение Великой Отечественной войны от «мнимой» войны 1939–1941 гг. позволило создать историческую недосказанность для граждан страны о роли СССР в этот период (за рамками курса отечественной истории оказался пакт Молотова — Риббентропа).

Именно Великая Отечественная война сформировала героическую ментальность войны. Эта война для большинства россиян явилась временем тяжелых испытаний, но и временем грандиозных национальных свершений и тесного единения. Война несет смерть и разрушение, но она одновременно демонстрирует несокрушимое единство народа и его несгибаемую силу. Великая Отечественная война служила и служит главным источником патриотизма [25, *217*]. Культ Сталина как «отца отечества» и того, кто привел страну к победе, закрепился как в истории, так и народной памяти СССР.

Понимание термина «победа» является ключевым и наиболее ценностно окрашенным концептом в рамках рассуждения о Великой Отечественной войне. Именно победа как результат окончания войны придает необходимую идеологическую окраску советской истории, начавшейся в 1917 г. и завершившейся

распадом СССР. Победа в этом смысле включена в традиционные конструкции державного (имперского) сознания, обеспечивающие приоритет всех «государственных интересов и массовую готовность пассивно терпеть лихолетье, актуализируя ресурсы опыта крайнего существования [10, *15*]. Сформировалось два общих плана войны: государственно-патриотический энтузиазм (мобилизация) и желание «покоя», стабильности.

Культ победы сформировал советскую ментальность войны, которая базируется на таких ценностных установках, как самоотверженность и жертвенность во имя страны; сформировал культ героя-воина, воина-интернационалиста, который отстаивает интересы не только Родины, но и мирового социализма.

В число первостепенных праздников День Победы вошел только в середине 60-х (1965 г.), когда 9 мая было провозглашено нерабочим днем. До этого 1 Мая было куда более важным и массовым праздником. Произошло это в период правления Л. И. Брежнева, когда началась реставрация имперских амбиций государства, были реанимированы сталинские взгляды на причины войны и ее последствия (вновь заговорили о внезапности нападения нацистской Германии), утверждался героический культ ветеранов. В этом не было ничего удивительного: закончился период «хрущевского романтизма» с насаждением культа «коммунистического будущего». Новая власть более реалистично оценивала советское настоящее и его шансы на успех в «соревновании» с капиталистическим миром. Произошла смена власти, следовательно, понадобились новые значимые символы, узаконивающие ее. Выбор пал на символ победы в войне.

Победа 1945 г. оказалась значимым символом для постсоветского строительства национальной идентичности. Это историческое событие вызывало наибольшую гордость у жителей современной России и занимало первое место среди самых значительных событий XX в. [Там же, *14*]. Сегодня это фактически единственная позитивная опорная точка национального самосознания в постсоветском обществе.

Распад Советского Союза и появление новых независимых государств поставили новые задачи перед правящими элитами по формированию национальной идентичности. Одной из характерных черт для многих стран постсоветского пространства является то, что строительство в них новой идентичности происходит на антироссийской основе, развиваются идеи об оккупационном характере существования в рамках СССР. В странах Балтии, Украине анализ итогов Второй мировой войны тесным образом переплетается с попыткой выдвижения на передний план так называемых «народных движений» против «антинародной коммунистической партии» [14].

После распада СССР Россия погрузилась в интенсивные поиски постсоветской идентичности и «пригодного» прошлого, которое могло бы войти в новый символический капитал. В этот критический период в России рассматривался широкий спектр возможных идентичностей и комбинаций этнического, имперского и гражданского национализма. Первый базировался на идее, что Россия — исключительное политическое объединение, определяющееся единым языком, религией и культурным наследием (славянофильская тенденция). Вторая, или имперская, концепция рассматривала Россию как великое

евразийское государство, центр огромной экономической империи. Третья, или гражданская, идея определяла российскую идентичность исходя из демократических институтов, власти закона, ориентирами которых была западная демократия. Как показывает анализ политической борьбы на примере смены концепций Великой Отечественной войны, этническая и имперская идеи доминируют в российском национальном нарративе.

Можно выделить три периода в процессе эволюции и пересмотра ценностного подхода к Великой Отечественной войне в современной России. Деление на периоды происходит по принципу сроков правления президентов России — Б. Н. Ельцина (1991–2000), В. В. Путина (2000–2008), Д. А. Медведева (с 2008 — до настоящего времени). Конечно, данное деление является условным, поскольку уже в период правления Ельцина в середине 1990-х гг. началась смена парадигмы национального строительства, но в рамках рассмотрения изменений оценок войны это деление, с нашей точки зрения, представляется приемлемым.

Пересмотр ценности и значимости Великой Победы начался в 1991 г. в связи с двумя группами причин и установок. Первая группа включала объективную необходимость формирования нового восприятия России, как внутри страны, так и за ее пределами. Начавшиеся экономические перемены, попытки ориентироваться на демократическую систему ценностей проявились в первую очередь в изменении такого символического капитала, как гимн и флаг. По мнению К. А. Серуло, национальные символы — национальный гимн и флаг — формируют устойчивое и ясное понимание национальной идентичности [2]. В своем исследовании К. А. Серуло утверждает, что тип флага и синтаксическая структура гимна проявляют экономический уровень государства и намерения правящей элиты. Правительство Б. Н. Ельцина, изменив советский патетический гимн на музыку российского досоветского классика Михаила Глинки, а также заменив красный флаг на триколор, подало сигнал об отказе от советского наследия и попытке найти символический капитал в досоветском ценностном пакете.

Вторая группа установок и причин пересмотра или новой трактовки войны связана с открытием архивов и информации о деятельности советского правительства как в военный, так и в мирный период, а также открытым заявлением ряда бывших союзных республик об их вынужденном участии в Великой Отечественной войне. Началась острая дискуссия, как в России, так и за ее пределами, по ключевым вопросам, связанным с войной: цена победы, а именно сколько в действительности погибло граждан СССР (цифра варьировалась от 20 до 39 млн); роль Сталина в годы войны; внутренняя политика СССР в предвоенный и военный периоды (репрессии военнослужащих, штрафные батальоны) и, наконец, внешняя политика СССР, в первую очередь в 1939–1941 гг.

День Победы 1945 г. остался национальным праздником и после распада Советского Союза. Однако точного концепта, как должны интерпретироваться Великая Отечественная война и победа, первоначально у правящей элиты после прихода Ельцина к власти не было. Ключевым элементом стало официальное признание этого праздника как праздника победы россиян в Великой Отечественной войне. В выступлениях по поводу празднования Дня Победы стали

звучать фразы о том, что это победа не советского, а российского народа. Начался процесс изменения монументальных памятников, посвященных войне. В Москве с монумента Победы на Поклонной горе была убрана вся символика, связанная с советской эрой (например, красная звезда, символизирующая победу советского народа в войне), и установлена фигура святого Георгия, повергающего дракона [3, *531*]. В середине 1990-х гг. на Поклонной горе начинается строительство церкви. Православная церковь как символ сплочения духа народа в годы Великой Отечественной войны становится еще одним ценностным ориентиром в формировании концепта войны. В 1995 г. в связи с 50-летием Победы состоялось открытие мемориального комплекса на Поклонной горе и памятника маршалу Г. К. Жукову на Манежной площади. Таким образом, в качестве альтернативы Сталину как герою войны стал выдвигаться Г. К. Жуков. Памятники Жукову были установлены во всех крупных городах России.

Что же касается острых вопросов истории войны, то в период Ельцина их старались просто не поднимать. В идеологическом и социокультурном плане это означало все более явную тенденцию к неотрадиционализму, к культивированию ностальгии по прошлому, его идеализации, росту антизападных настроений [10, *25–26*].

Полномасштабное использование советского ценностного ресурса началось в годы президентства В. В. Путина. В первую очередь это было связано с возвращением музыки советского гимна. Несмотря на то что слова гимна были написаны заново, синтаксис гимна — т. е. музыкальная тональность, темп, то, что воздействует на чувства, — был восстановлен.

Великая Победа стала главным ценностным ориентиром в формировании неовеликодержавной или неотрадиционалистской идентичности. Парады, посвященные Дню Победы, стали проходить все в более и более торжественной атмосфере. 9 мая 2000 г. перед очередным парадом Победы Президент России Владимир Путин открыл на здании Государственного Кремлевского дворца мемориальную доску с именами государственных деятелей и военачальников, награжденных орденом Победы. В 2005 г. в связи с 60-летием Победы парад состоял из двух частей: исторической и современной. Кульминацией парада стал проезд ветеранов на легендарных «полуторках».

Начался постепенный процесс реабилитации роли Сталина в годы Великой Отечественной войны. Это проявилось в первую очередь в возвращении мемориальной доски на Красную площадь, а также в идеализировании самой личности Сталина. Речь Путина в 2000 г. была очень близка по духу и патетике речи, произнесенной Сталиным в 1945 г., особенно последняя ее часть, где звучат слова в честь армии и народа-победителя [20, 22]. В 2004 г. партия «Яблоко» выносит протест в связи с подготовкой празднования дня рождения Сталина, подчеркивая роль российского народа в победе, а не персонально Сталина [26].

Политическая борьба вокруг символического капитала Великой Отечественной войны продолжалась на протяжении всего президентства Путина. В 2007 г. Государственная дума внесла законопроект «О Знамени Победы», целью которого было убрать со знамени советские символы — серп и молот. Несмотря на то что Дума проголосовала в пользу этого закона, президент отклонил его [19].

Особенно остро шли дебаты вокруг интерпретации истории войны. Такие вопросы, как пакт Молотова — Риббентропа, не входили в спектр осуждаемых и обсуждаемых тем, осознанно занижалась роль союзников во Второй мировой войне.

В 2000–2008 гг. возвращаются вся символика победы и культ войны как героического прошлого народа в советском варианте. Почему современная российская политическая элита вернулась к символическому капиталу войны в советском варианте? Это связано с тем, что символический капитал, которым могла воспользоваться политическая элита, был не велик. Для ухода от близкого и знакомого советского символического капитала необходимо было попытаться осмыслить и оценить не только советский, но и досоветский исторический период, чего не было сделано в полной мере. Выбор таких сложных ценностных ориентиров, как самоназвание нации (русские или россияне), государственная символика, ритуалы и праздники, а также объективная переоценка советского периода истории остались незавершенными. А советское прошлое на фоне сложного переходного периода 1990-х гг., по мнению жителей России, рассматривалось как стабильное существование. Свой вклад внесли и сохранившиеся ностальгические переживания.

Возрождение великодержавного национализма в данном варианте не означает полный возврат к советской ментальности и строю. По мнению ряда исследователей, это «форма психологической защиты и компенсации». Символы прошлого выступают неким психологическим фактором стабильности [10].

Кроме того, высокие цены на нефть и быстрое пополнение за их счет государственного бюджета создали иллюзию превращения России в великую энергетическую державу. Это привело к росту искушения со стороны правящей российской элиты использовать символику победы в целях насаждения великодержавных ценностей. В 2005–2007 гг. отмечается консенсус в отношении символического капитала между политической элитой и массами.

Обострение экономического кризиса в 2008 г. совпало с приходом Д. А. Медведева на пост Президента РФ. Кризисные времена стали важным моментом для пересмотра национальной идентичности и символического капитала. В виде какого концепта предстает Великая Отечественная война и победа 1945 г. в изменяющихся условиях?

Можно с определенной уверенностью сказать, что концепт «победы» все еще находится в стадии формирования. До сих пор нет ясного понимания взаимосвязи двух войн — Второй мировой и Великой Отечественной, взаимосвязи не хронологической и территориальной, а концептуальной. Нет официального определения роли и участия Советского Союза в военных событиях 1939–1941 гг., а также участия СССР в формировании ялтинско-потсдамской системы послевоенного мироустройства.

Если рассматривать концепт Великой Отечественной войны с точки зрения трех ключевых элементов, которые его конституируют: единение государства и народа; ментальность войны и герой войны, то ни по одной из этих позиций четко определенного понимания нет, как на государственном, так и массовом уровнях.

Начиная с 1991 г. в речах, посвященных победе 1945 г., стала отдельно подчеркиваться роль российского народа. Отказ от анализа советского прошлого, невнятные оценки советского руководства и дальнейшая попытка реанимировать военный культ Сталина привели к дуализму оценки роли государства и народа в войне. Опрос, проведенный Левада-центром в мае 2010 г., показал, что большинство респондентов считают, что в Великой Отечественной войне победил народ — 62 %; государство в лице коммунистической партии и Сталина получили 13 % и лишь 23 % опрошенных обозначили победу как заслугу всех [12]. «Народ» прочно отделился от «государства» в восприятии войны. Отказ от анализа роли государства в войне привел к подобному противопоставлению государства и нации в 1941–1945 гг.

Ментальность войны оказалась несформулированной в постсоветский период. Необходимость формирования новой ментальности войны была вызвана объективными причинами: СССР был иным государством территориально, национально и идеологически, чем современная Россия. Распад СССР вызвал появление в новых независимых государствах новой, радикально противоположной советской, ментальности войны. Наложение советской ментальности войны на новую почву в России оказалось привычным и удобным, но не решило тех противоречий в оценках войны, которые появились в 1990-е гг. Две крайние точки зрения на войну продолжают господствовать в прессе, в медиа, в дебатах и публикациях — героическая ментальность с неприятием каких-либо переоценок, частично поддерживаемая политической элитой, и пассивная, обреченная ментальность войны, где вопрос победы решался силовыми действиями заградотрядов [14]. Окончательно сформировавшегося восприятия войны у россиян на сегодняшний день нет. В обществе отсутствует понимание того, что представляет собой война 1941–1945 гг., к тому же процент тех, кто помнит войну, сокращается, также сокращается и процент тех, кто знает о войне от своих родственников (2005 г. — 72 %, 2010 г. — 65 %) [9, 12]. Более того, молодежи до 24 лет вообще неинтересно все, что связано с войной [24]. Таким образом, героическая ментальность может постепенно сойти на нет, а осознание молодым поколением значения войны и победы так и не произойдет.

Культ героя войны оказался еще одним вопросом, не разрешенным политической элитой. Споры о роли И. В. Сталина до сих пор раскалывают общественное мнение. Несмотря на попытки политической элиты в 2000-х гг. мифологизировать личность Сталина, отношение к нему остается неоднозначным: 30 % опрошенных в мае 2010 г. возлагали на Сталина вину за многочисленные потери войны, что на 8 % выше, чем в 2005 г. Заслуги Сталина в победе признают только 8 % респондентов. Таким образом, культ Сталина оказался одной из слабых позиций в конституировании культа победы.

Не без осторожности можно говорить о новом этапе идентификации войны и победы в 2009–2010 гг. Признание вины Советского Союза в расстреле польских военнослужащих в Катыни — серьезный шаг к пересмотру некоторых аспектов войны. Парад 2010 г. с привлечением иностранных делегаций и демонстрацией воинов и техники не только России, но и союзников можно

считать определенным шагом к изменению идентичности войны. Объявление в России 2 сентября официальным праздником победы также свидетельствует о переменах. Идею по написанию совместного российско-германского учебника по истории войны можно рассматривать как концептуальный прорыв. Германия, где участие в войне, военная ментальность никоим образом не связаны с героизмом, национальным величием, сегодня представляет собой сильное государство в Европе, сумевшее выстроить свою идентичность с учетом ошибок. Германия демонстрирует пример мирного и толерантного добрососедства в Европе. Опыт Германии может помочь в познании истории и извлечении уроков для решения современных проблем.

15 мая 2010 г. Указом Президента РФ была создана Комиссия при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Среди ее основных задач определена «выработка стратегии противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, предпринимаемым в целях нанесения ущерба интересам России» [23].

Характер дискуссий историков, приуроченных к 65-летию Великой Победы, показал, что официальная линия государства направлена на поддержку оценки истории XX в. с умеренно державных позиций. К примеру, типичной является оценка Сталина с двойственных позиций: «с точки зрения государственности — великий герой, с точки зрения прав человека — душегуб и злодей» [5]. Есть основания предполагать, что в результате провозглашенной борьбы с фальсификацией истории многие негероические факты истории войны надолго останутся белыми пятнами.

Формирование ментальности войны — важный элемент самосознания нации, в ментальности войны заложены такие ценностные характеристики, как ценность мира и мирного существования; единение нации и государства; готовность отстаивать свой национальный суверенитет. Советская ментальность войны объективно не могла быть применена к новым условиям: народ и государство в 1945 г. и в 2010 г. отличаются качественно и количественно, территориально и идеологически. Восприятие победы с точки зрения советского человека не может автоматически совпасть с отношением гражданина России. Российская Федерация и Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика — тоже разные государственные объединения. Поэтому понимание войны в советском контексте никак не может повлиять на формирование инстинкта российской нации защищать свой суверенитет. Культ И. В. Сталина был не самым однозначным архетипом советской действительности, и тем более он не мог стать действующим в условиях российской реалии.

Ценность победы 1945 г., по нашему мнению, заключается в том, что она должна была стать последней победой, символизирующей принцип невозврата ужасов войны. Россиянам, конечно же, важна героическая тематика, однако результат победы — жизнь без войны — является более значимым. Опрос 2001 г. показал, что 57 % населения готовы поставить памятники участникам войны с обеих сторон [18], в опросах 2010 г. население все больше беспокоится о том, как осуществляется помощь ветеранам [9, 11, 12]. Дискуссии о победе и Великой Отечественной войне будут продолжаться, однако для населения России

важны ценности «нормальной», «невоенной» жизни. Концепт «победа 1945 года» на неофициальном уровне можно определить так: «Лишь бы не было войны!»

Пример войны, с одной стороны, выявляет незавершенность процесса формирования национальной идентичности россиян — кто мы есть, каковы наша историческая память, наши ожидания будущего; с другой — слабость символического капитала политической элиты современной России, так как индекс доверия к власти неукоснительно падает. Как считает С. Каспэ, российская полития снедаема чудовищной жаждой ценностей, которая представляет собой вполне серьезную и все более явно осознаваемую правящими кругами опасность. Отсутствие сильного символического капитала лишает правящую элиту ее функционального назначения и легитимности. Отсюда и непрекращающиеся попытки поиска новых источников ценностного капитала, в первую очередь в советском прошлом [13, *160–161*].

Советский символический капитал оказался действенным в краткосрочной перспективе, в долгосрочном варианте он не сможет консолидировать нацию, особенно в условиях кризиса или потрясений. Более того, советская ценностная система не может стать основой для выстраивания отношений современной России как с ближними соседями — бывшими союзными республиками, так и с европейскими государствами.

---

1. *Cerulo K. A.* Identity construction: New Issues, New Directions // Annual Review of Sociology. 1997. Vol. 23. P. 385–409.

2. *Cerulo K. A.* Symbols and the World System: National Anthems and Flags // Sociological Forum. 1993. Vol. 8, № 2, Jun. P. 243–271.

3. *Forest B., Johnson J.* Unraveling the Thread of History: Soviet-Era Monuments and Post-Soviet National Identity in Moscow // Annals of the Association of American Geographers. 2002. Vol. 92, № 3, Sep. P. 524–547.

4. *Hedetoft U.* National Identity and Mentality of War in Three EC Countries // Journal of Peace Research. 1993. Vol. 30, № 3, Aug. P. 281–300.

5. *Барсенков А. С., Вдовин А. И.* История России. 1917—2009. М., 2010.

6. Большинство Россиян будут праздновать День Победы [Электронный ресурс]. URL: http://www.utro.ru/news/2010/05/07/892390.shtml

7. *Бурдье П.* Практический смысл / пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко ; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб., 2001.

8. *Бурдье П.* Социология социального пространства. М. ; СПб., 2007. С. 87–96.

9. Великая Отечественная война в оценках населения. Аналит. центр Юрия Левады (Левада-центр). 18 июня 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.levada.ru/press/2010061804. html

10. *Гудков Л.* Структура и характер национальной идентичности в России [Электронный ресурс]. URL: http://www. polit.ru/research/2004/04/05/national_identity. html

11. *Ефанова О. А., Лаврухина Е. А.* Доминанты исторической памяти россиян: знания, оценки и отношение к Великой Отечественной войне [Электронный ресурс]. URL: http://credonew.ru/content/view/482/30/

12. Какие чувства вызывает у россиян День Победы? Аналит. центр Юрия Левады. 19—23 марта 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.levada.ru

13. *Каспэ С.* Постсоветские нации в саду расходящихся тропок // Россия в глобальной политике. 2009. Т. 6, № 6, нояб.—дек. С. 154–163.

14. *Лапенко М. В.* Вторая мировая война и формирование национальной идентичности в посткоммунистических странах [Электронный ресурс]. URL: http://cis-center.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=657:2010-04–19

15. *Ливен Д.* Россия как Империя и Периферия // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6, № 6, нояб.—дек. С. 35–43.

16. *Лукина А. В.* Социокультурные технологии формирования национальной идентичности (историко-методологический аспект) : автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2004.

17. *Миллер А.* История империй и политика памяти // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6, № 4, июль—август. С. 118–134.

18. Отношение к той войне (справка опроса ВЦИОМ, 2001 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.temadnya.ru/spravka/09may2001/497.html

19. Президент Владимир Путин в преддверии 9 Мая отклонил законодательную инициативу «единороссов», отправив на доработку Федеральный закон «О Знамени Победы». 20 апреля 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.newsru.com/russia/20apr2007/flag3.html

20. *Путин В. В.* Выступление на военном параде и параде участников Великой Отечественной войны, посвященных 55-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. 9 мая 2000 г., Москва [Электронный ресурс]. URL: http://2002.kremlin.ru/events/31.html

21. Размышления о моменте: (О войне, о победе, о годовщине) [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusrand.ru/mission/moment/moment_481.html

22. Речь И. В. Сталина о победе над Германией [Электронный ресурс]. URL: http://www.kob.su/articles/9-maia–1945-ghoda-riech-stalina

23. Фальсификация истории как инструмент политики // Рос. газ. 2010. 21 мая.

24. Самые популярные праздники в Рунете: Новый год, день рождения, 8 Марта и 23 февраля. 4 апр. 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cybersecurity.ru/net/45609.html

25. Уходит «живая память» о войне. Москва, 21 июня 2010 г. / Всерос. центр изучения обществ. мнения (ВЦИОМ) [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13594.html

26. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М., 2004.

27. *Явлинский Г. А.* Заявление в связи с празднованием дня рождения Сталина партией власти Москва, 21 дек. 2004 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.yavlinsky.ru/news/index. phtml?id=2349